

УДК 82-43

Караваяева Евгения Сергеевна

Магистрант направления «Педагогическое образование»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: evgeniya.karavaeva.2011@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ «ЭКСПЕДИЦИИ
В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ САТИРИКОНЦЕВ: ЮЖАКИНА, САНДЕРСА,
МИФАСОВА И КРЫСАКОВА» А. Т. АВЕРЧЕНКО**

В статье предпринимается попытка уточнения жанровой природы «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911, 1915) А. Т. Аверченко. Анализируя новейшие научные источники, автор доказывает, что жанровое определение «Экспедиции...» сегодня подменяется внежанровым термином «книга» либо её относят к литературному травелогу — понятию, чуждому отечественной традиции, в рамках которой работал Аверченко. Последовательно выявляя в произведении черты путевого очерка и характеризуя их особую смысловую и эмотивную трансформацию, автор статьи относит «Экспедицию...» к особому жанру путевой прозы — комическим путевым очеркам и намечает дальнейшие пути изучения данного сочинения А. Т. Аверченко.

Ключевые слова: журнал «Сатирикон», жанровый канон, путевые записки, путевые очерки, путевой дневник, литературный травелог, юмористическая повесть, комическая трансформация.

Eugene S. Karavaeva

Master's Degree student (Pedagogy),
Humanitarian and Pedagogical Institute
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**THE PROBLEM OF GENRE ORIGINALITY OF «THE EXPEDITION TO
WESTERN EUROPE OF SATIRIKONTSY: YUZHAKIN, SANDERS, MIFASOV
AND KRYSAKOV» BY A. T. AVERCHENKO**

Abstract. *The article attempts to clarify the genre nature of “The Expedition to Western Europe of Satirikontsy : Yuzhakin, Sanders, Mifasov and Krysakov” (1911, 1915) by A. T. Averchenko. Analyzing the latest scientific sources, the author argue that the genre definition of “The Expedition ... ” today is replaced by the extra-generic term “book” or it*

belongs to literary travelogue — a concept alien to the domestic tradition in which Averchenko worked. Consistently identifying the features of the travel essay in the work and describing their special semantic and emotive transformation, the author attribute “The Expedition ...” to a special genre of travel prose — comic travel essays — and outlines further ways of its study.

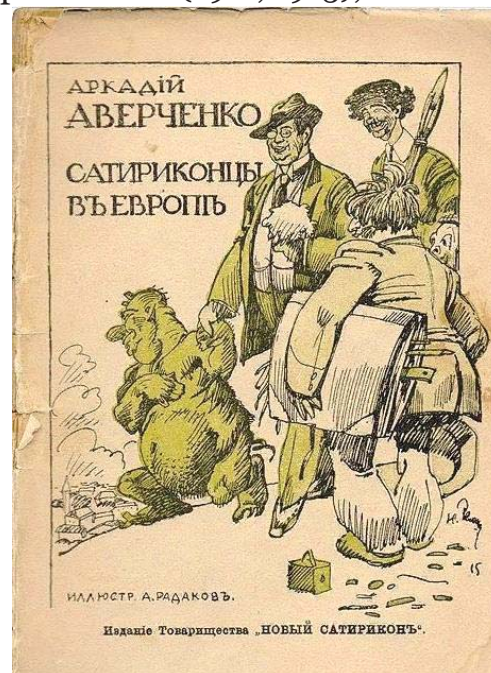
Key words: “Satirikon” magazine, genre canon, travel notes, travel essays, travel diary, literary travelogue, humorous story, comic transformation.

Для цитирования:

Караваева, Е. С. Проблема жанрового своеобразия «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» А. Т. Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1(8). С. 45–53.

Научное изучение творчества Аркадия Аверченко — одна из актуальных задач современного литературоведения. В работах Д. А. Левицкого, Л. А. Спиридоновой-Евстигнеевой, С. С. Никоненко, Е. Н. Брызгаловой, Д. Д. Николаева, В. Д. Миленко и др. рассматриваются общие особенности авторского стиля писателя, проблематики его прозы и драматургии, редакторской и издательской политики, восстанавливается биография писателя. Некоторые новейшие труды (Н. С. Егоровой, О. И. Саловой, Т. А. Кадоло) посвящены теме детства в рассказах Аверченко. Что же касается больших форм, к которым следует отнести «Экспедицию в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911, 1915), то они ещё ждут своего исследователя. Исключением служит единственный роман писателя «Шутка Мецената» (1923), к которому сегодня обращаются достаточно часто (работы В. Д. Миленко, Н. С. Егоровой, Н. А. Карпова, Ю. Н. Кучерявых и др.).

«Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (далее — Экспедиция...) занимает особое место в творчестве Аверченко. Она рассказывает о первом в его жизни заграничном путешествии, совершённом вместе с коллегами-сатириконцами Г. А. Ландау, А. А. Радаковым и Н. В. Ремизовым-Васильевым (Ре-Ми). Командировка состоялась в мае – июле 1911 года, вскоре вышла книга: как бесплатное приложение для подписчиков «Сатирикона» и как

Обложка 1915 г. работы Ре-Ми. Слева направо: Сатир, Южакин, Мифасов, Сандерс, Крысаков (с чемоданом).

коммерческое издание. Её популярность была настолько велика, что, к примеру, прозвище Крысаков навсегда пристало к художнику Радакову¹. В 1914 году анонсировалось продолжение — путешествие сатириконцев по России, но Первая мировая война нарушила эти планы, поэтому в 1915 году Аверченко переиздал «Экспедицию...», значительно её сократив и переработав. Именно эта редакция впоследствии многократно тиражировалась и стала канонической. Она и послужила нам материалом исследования.

Изучение «Экспедиции...», на наш взгляд, следует начинать с уточнения её жанровой природы, которую и сами сатириконцы затруднялись определить, а потому просто рекламировали «роскошно иллюстрированное издание» [2, с. 2]. Аверченко однажды употребил достаточно расплывчатое понятие «новая география» [9, с. 59]. Современные исследователи чаще всего обходятся внежанровым «книга», что можно обнаружить даже в научном комментарии С. С. Никоненко к последнему собранию сочинений Аверченко [10, с. 452]. Однако О. Н. Туманов счёл произведение повестью [12, с. 8]. С ним согласен С. С. Жданов, который в работе «Образ Германии в повести А. Т. Аверченко „Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова“» (2018) оперирует одновременно тремя терминами. В заглавии статьи автор относит «Экспедицию...» к повести, в тексте — к юмористической повести, а в аннотации к статье — к литературному травелогу [4]. Таким образом, актуальность и научная новизна темы нашего исследования видятся несомненными.

Прежде чем приступить к анализу, мы должны выяснить, как исследователи определяют жанр книг, оказавших на Аверченко несомненное влияние. Это «Простаки за границей, или Путь новых паломников» (1869) Марка Твена и «Трое в лодке, не считая собаки» (1889) Дж. К. Джерома. Оказалось, что современные источники относят их к тому же травелогу. Советское же литературоведение в случае с Джеромом употребляло термин повесть (хотя автор в предисловии называл свой труд «беспристрастным отчётом о действительно происходивших событиях») [6, Т. 2, с. 648], с Твеном — цикл юмористических репортажей² [6, Т. 7, с. 423]. В то же время биограф Твена тех же советских лет М. О. Мендельсон выражался более традиционно, но не менее туманно, назвав «Простаков...» циклом очерков и путевых заметок юмористического характера [7, с. 141].

¹ Под этим прозвищем Радаков выведен и в детском стихотворении Даниила Хармса «Крысаков и две собачки» (1935).

² Видимо, по той причине, что «Простаки за границей...» были составлены из доработанных писем и корреспонденций Твена, поначалу публиковавшихся в газетах «Дейли Альта Калифорния», «Трибюн» и «Геральд».

Теперь обратимся к «Экспедиции...» Аверченко. Отнесение её к жанру повести, тем более юмористической (как предположил С. С. Жданов), на наш взгляд, вызывает вопросы. Единственный формальный признак — средний объём — не может определять жанр в целом, а содержательных признаков нет. Вместо сюжета — документально-хроникальная пестрота отдельных законченных эпизодов, вместо литературных героев — статичные и карикатурные актаны, персонажи комикса (книга была обильно иллюстрирована шаржами и карикатурами). Сужение же сферы комического исключительно до критерия «юмористическая» перечёркивает как минимум сатирические темы и образы «Экспедиции...», а их немало. Что касается травелога (этим термином порой заменяют едва ли не все жанры «литературы путешествий»), то мы не стали бы выходить за рамки той традиции, что сложилась ко времени создания «Экспедиции...» и которую продолжал Аверченко, вряд ли подозревавший о том, что пишет травелог.

В связи с вышесказанным ограничиваем жанровый анализ следующим рядом: путевой дневник — путевые заметки — путевые очерки (оставляя без внимания сугубо прагматичный жанр путеводителя, признаками которого «Экспедиция...» не обладает уже потому, что не рекламирует Западную Европу, а высмеивает).

К сожалению, чётких критериев дифференциации жанров «путевой прозы» по сей день не существует. Так, путевым дневником называют произведение, написанное от первого лица в форме ежедневных (чаще всего с указанием даты) или периодических записей, современных описываемым событиям [13, с. 11]. Однако и в определении путевых записок присутствует указание на то, что жанр «реализует себя в форме *дневниковых*, эпистолярных и мемуарных путевых записей художественного или художественно-публицистического характера (курсив наш. — Е. К.)» [5, с. 12]. Не комментируя явный казус, ограничимся утверждением о том, что перечисленные критерии к «Экспедиции...» не применимы. Ни подневных записей, ни дат, ни — главное — особой исповедальной интонации, неизбежной для дневника или письма, в ней нет. Рассказчик скорее намеренно растворяется в коллективе, гораздо чаще употребляя «мы», нежели «я».

Что же касается путевого очерка, то принадлежность «Экспедиции...» именно к этому жанру видится нам очевидной. Разумеется, наше утверждение дискуссионно, ведь окончательной дефиниции нет и здесь. Тем не менее научная литература (работы Г. Н. Поспелова, В. П. Вомперского, Н. И. Глушкова, Н. М. Масловой, К. А. Панцерева, О. М. Скибиной и др.) позволяет выделить формально-содержательные черты путевого очерка, которые мы обнаруживаем в анализируемом произведении:

Схема маршрута сатириконцев: Россия (Санкт-Петербург) – Германия (Берлин, Дрезден, Мюнхен) – Австрия (Инсбрук) – Италия (Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Генуя) – Франция (Париж) – Россия (Санкт-Петербург).

прочерченный заглавиями.

Композиция цикла асимметрична: очеркам предпослано введение, однако заключение отсутствует, поэтому о «рамке» говорить не приходится. Нет и пропорциональности: «Ницца» (по мысли рассказчика, в этом городе нечего делать) по объёму уложилась в восемь предложений, в то время как «Венеция» и «Неаполь» включают по два обширных подпункта.

Синтез документальности и художественности обнаруживается уже в названиях очерков-глав: наряду со стилистически нейтральным перечислением стран и городов присутствуют «Человек за бортом» и «Страшный путь».

2. *Содержание определяется мотивом путешествия, оперирует фактами, однако вымысел допустим.* Само заглавие «Экспедиции...» говорит о её принадлежности к «литературе путешествий», однако по издательскому (и, видимо, авторскому) замыслу читатель осмысливал его в три приёма. Сначала он видел на обложке сокращённый вариант «Сатириконцы в Европе», снабжённый весёлым шаржем на героев книги, ведомых куда-то толстым Сатиром. Далее, на титуле, появлялось полное заглавие «Экспедиция в Западную Европу», лишь на миг рождающее предположение о научном содержании, так как ниже следовал подзаголовок с перечислением странных, а то и шутовских (Крысаков) фамилий участников событий. Таким образом, заглавие создавало комический эффект обманутого ожидания.

Сегодня, столетия спустя, мы улавливаем комический, но не подражательный смысл заглавия, в то время как образованный современник

1. *Малая повествовательная форма, стоящая на стыке документальной и художественной литературы, и тяготеющая к циклизации.* «Экспедиция...» — цикл из 12 очерков («Германия вообще», «Человек за бортом», «Тироль», «Венеция», «Флоренция», «Рим», «Неаполь», «На пароходе из Неаполя в Геную», «Генуя», «Страшный путь», «Ницца» и «Париж»), в котором циклообразующими факторами выступают рассказчик, образы его компаньонов и маршрут путешествия, хронологически

Аверченко наверняка вспоминал предисловие к «Простакам за границей» Марка Твена: «В этой книге рассказывается об увеселительном путешествии. Если бы она была рассказом о настоящей научной экспедиции³, она обладала бы той серьёзностью, тем глубокомыслием и той внушительной неудобочитаемостью, которые приличествуют такого рода трудам и делают их столь увлекательными» [11]. Предположим, что «Экспедиция...» во многом была отечественной версией «Простаков за границей», и Аверченко называли «русским Твеном» ещё и по этой причине.

3. *Рассказчик является непосредственным участником/наблюдателем путешествия, раскрывает его цель, описывает маршрут/участки маршрута, сохраняя подлинные топонимы.* Игра с читателем, осмыслившим заглавие, продолжалась при разгадывании им псевдонимов, которые также — очерковое сочетание документальности и художественности. Как отмечала В. Д. Миленко, «современники без труда их узнавали, тем более что Аверченко изменил только фамилии, а имена-отчества оставил подлинными. Южакин — это он сам, Крысаков — Радаков, Мифасов — Ремизов, Сандерс — Ландау. Первая фамилия совершенно объяснима, вторая явно основана на комическом созвучии, третья, вероятно, „нотно-музыкальная“: Ре-Ми(зов)/Ми-фа(сов). Насчёт Сандерса — вопрос...» [8, с. 199]. Даже личность слуги Мити устанавливается по воспоминаниям Н. Н. Евреинова:

«У сатириконец <...> был наивный слуга Василий, которого хозяева, вечно отсутствовавшие, проверяли по возвращении подозрительными взглядами и суровыми окриками:

— Василий... опять?..

— Да я только две папиросы взял! — отвечал Василий, мня, что его „залопали“» [3]. Схожие анекдотические (оказывается, документальные) ситуации включены в «Экспедицию...».

Повествование в полном соответствии с очерковой традицией ведётся реальным биографическим автором (Аверченко-Южакиным), однако основной тип авторской эмоциональности — ирония — снижает все искания традиционного рассказчика. Пытливými путешественниками-натуралистами Южакина и его компаньонов сложно назвать. Вот цели их поездки: «...стремления у нас были разные: кое-кто хотел просто „расширить кругозор“, кое-кто мечтал по возвращении „принести пользу дорогой России“, у одного явилось скромное желание „просто поболтаться“, а слуге Мите рисовалась единственная заманчивая перспектива, между нами говоря, довольно убогая: утереть, по возвращении, своим коллегам нос» [1, с. 7]. Позднее рассказчик

³ В оригинале также «scientific expedition» («научная экспедиция»), хотя Аверченко не владел английским языком и читал Твена только в переводе на русский.

признается, что начиная с Венеции, они с Крысаковым «якшались с подонками населения, пили ужасное грошовое вино, ели каких-то пауков, каракатиц и разных морских чудовищ, пожирали червяков, похожих на макароны, и макароны, очень смахивавшие на червяков» [1, с. 66]. Признается и в том, что увиденные картинные галереи оставили одно впечатление: «Всюду целое море полотна — зелёного, красного, розового, старинного и нового...» [1, с. 97].

Одним словом, мы видим комическое расхождение формы и содержания: путешественник мало интересуется тем, чем обычно интересуются путешественники. Это впечатление усиливают карикатурные портреты компаньонов Южакина. Например, Крысаков — это человек-живот, который заменял оторвавшиеся пуговицы «булавками, иголками и главным образом замысловатой комбинацией из спичек и проволоки от лимонадных бутылок» и неизменно проигрывал в схватке с собственным чемоданом — зооморфным, похожим «на животное с распоротым брюхом» [1, с. 11].

Рассказ о путешествии строится по принципу пародийного обыгрывания штампов учебников географии и путеводителей. Так, размышляя над физико-географическим положением Европы, её флорой и фауной, статистическими данными, рассказчик замечает: «Европа лежит между 36-й и 71-й параллелями Северного полушария. Мы собственными глазами видели это» [1, с. 26]. Или: «Берега Европы омывают два океана сразу: Северный Ледовитый и Атлантический. Не знаю, как омывает Европу Ледовитый океан, но Атлантический — особой тщательностью в возложенной на него работе не отличается — грязи на берегу сколько угодно» [1, с. 26]. Или: «Ницца — небольшой городок, утыканный пальмами» [1, с. 154]. Наконец, такой пример: «Генуя знаменита своим Campo Santo; Campo Santo знаменито мраморными памятниками; памятники знамениты своей скульптурой, а так как скульптура эта — невероятная пошлятина, то о Генуе и говорить не стоит» [1, с. 150]. Курьёз в том, что кладбище Campo Santo («священное поле») находится не в Генуе, а в Пизе.

Этому принципу рассказчик изменит лишь единожды, посвятив восторженное лирическое отступление Венеции. В то же время маршрут путешествия — документален и обеспечивает принцип хроникальности повествования.

4. *Присутствуют пейзажно-климатические, этнографические, портретные зарисовки.* Этнографические зарисовки и описания достопримечательностей — также карикатура. Например, тирольца автор отнёс к «семейству ленточных», потому что тот был «с ног до головы убранный разноцветными лентами и утыканный перьями, точно петух, которого кухарка начала ощипывать и, не окончив, побежала в мелочную лавочку за бутылкой прованского масла. Голова этого дюжего парня была украшена какой-то

бумажной короной, а за ушами торчали два пучка цветов» [1, с. 45]. Неаполитанец — это человек, у которого стремление «надуть туриста возведено в культ» [1, с. 106]. Везувий — «обыкновенная гора с дырой посередине», ещё и не дымится, а знаменитая Траянова арка — «обыкновенная арка, с дырой посередине и тоже не дымится».

5. Присутствуют различные формы «чужой речи», маркирующие пространство (диалектизмы, сленг). Комически развивая тему «наши за границей» (а именно — незнание сатириконцами иностранных языков), рассказчик широко задействовал приём «макаронической речи». Так, слуга Митя путал «„бутер“ и „брудер“, „шинкен“ и „тринкен“» и испугал немца непере译имой фразой: «Гиб мир эйн кусс. Битте цаллен. Цузамен» [1, с. 43]. Мифасов оперировал тремя словами: «В Германии, входя в ресторан, он первым долгом о, „Кёльнер!“, в Италии: „Камерьере!“ и во Франции: „Гарсон!“» [1, с. 16]. Крысаков во всех случаях применял макаронизм «битте-дритте» и обходился им. Рассказчик же пытался понять фонетические

особенности языков, что и продемонстрировал в очерке-главе «Венеция». Когда один соотечественник просил по-русски у итальянского лакея вермута, а тот не понимал, Южакин посоветовал:

«— Скажите ему по-итальянски...

— Да я не умею.

— Как-нибудь... „прего, синьоре камерьере, дате мио гляччио вермуто...“ Только ударение на „у“ ставьте. А то не поймёт.

— Ага! Мерси. Эй ты, смейся паяччио! Дате мио, как говорится, вермуто. Да живо!

— Субито, синьоре, — обрадовался итальянец.

— То-то, брат. Морген фри» [1, с. 70-71].

Или обратная ситуация: венецианские торговцы сувенирами обходились тремя русскими словами: «русс», «карашо» и «купаться».

6. Путевой очерк, как правило, бессюжетен, что связано с хроникальной композицией и отражением живых, непосредственных впечатлений. Смысловое единство «Экспедиции...», как сказано выше, обеспечивают рассказчик, его компаньоны и маршрут их путешествия. Сквозного сюжета нет.

Крысаков, Сандерс и Мифасов шлют привет родному «Сатирикону» с высоты Троянской колонны. Рисунок из книги.

Крысаков, Сандерс и Мифасов шлют привет родному «Сатирикону» с высоты Троянской колонны. Рисунок из книги.

Таким образом, в результате проведенного исследования стало очевидно, что мы имеем дело с особым жанром, задеиствующим канон путевого очерка, но комически трансформирующим все его формально-содержательные признаки. Мы склонны определить жанр «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» как *комические путевые очерки*.

Разумеется, не претендуем на окончательное решение проблемы и открыты для новых дискуссий. В качестве перспективных путей дальнейшего изучения «Экспедиции...» видятся: сравнение её редакций 1911 г. и 1915 г. (первая, например, включает дневниковые записи рассказчика и имеет более сложную композицию), детальный анализ приёмов комического и проч.

Литература

1. Аверченко, А. Т. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. Петроград: Издание журнала «Новый Сатирикон», 1915. 174 с.
2. Анонс подписной премии на 1911 год // Сатирикон. 1910. № 45. с. 2.
3. Евреинов, Н. Н. В школе остроумия: Воспоминания о театре «Кривое зеркало». М.: Искусство, 1998. 366 с.
4. Жданов, С. С. Образ Германии в повести А. Т. Аверченко «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). С. 235–238.
5. Иванова, Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.01 / Иванова Надежда Викторовна. М., 2010. 24 с.
6. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.
7. Мендельсон, М. О. Марк Твен. М.: Молодая гвардия, 1958. 383 с.
8. Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. 327 с.
9. Миленко, В. Д. «Нечто вроде лекции о юморе»: неизвестная рукопись А. Т. Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 48–63.
10. Никоненко, С. С. Комментарии / Аркадий Аверченко. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 2: Зайчики на стене. Рассказы 1910–1911 гг. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 458–460.
11. Твен, Марк. Простаки за границей или Путь новых паломников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93333&r=1>
12. Туманов, О. Н. Заграничное путешествие русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Туманов Олег Нерусевич. М., 2012. 24 с.
13. Хлыбова, Н. А., Краснова, А. О. Генетические особенности путевых дневников и путеводителей // Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия: сб. науч. трудов. Симферополь, 2017. С. 14–21.

~